

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности статьи 324 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н.М.Деменьшиной

город Санкт-Петербург

27 февраля 2020 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, В.Г.Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности статьи 324 УК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданки Н.М.Деменьшиной. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли

Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителем законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика А.И.Бойцова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Согласно статье 324 УК Российской Федерации незаконные приобретение или сбыт официальных документов, предоставляющих права или освобождающих от обязанностей, а также государственных наград Российской Федерации, РСФСР, СССР наказываются штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо исправительными работами на срок до одного года, либо арестом на срок до трех месяцев.

1.1. Конституционность приведенного законоположения оспаривает гражданка Н.М.Деменьшина, которая приговором мирового судьи судебного участка № 1 Железнодорожного судебного района города Екатеринбурга от 7 марта 2018 года признана виновной в том, что 7 июня 2017 года в нарушение пункта 12 Положения о государственных наградах Российской Федерации (утверждено Указом Президента Российской Федерации от 7 сентября 2010 года № 1099 «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации»), а также статей 37 и 39 Общего положения об орденах, медалях и почетных званиях СССР (утверждено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 июля 1979 года № 360-Х), реализуя возникший из корыстных побуждений умысел, сбыла путем продажи за денежное вознаграждение в размере пятисот рублей лицу, действующему под контролем сотрудника полиции в рамках оперативно-розыскного мероприятия, медаль «Ветеран труда», которой был награжден ее отец, к тому времени умерший. Содеянное расценено как незаконный сбыт государственной награды СССР, квалифицируемый по статье 324 УК Российской Федерации, в рамках альтернативной санкции которой

осужденной определено близкое к минимальному пределу санкции наказание – штраф в размере десяти тысяч рублей.

Сторона защиты обжаловала приговор, ссылаясь на то, что примененный Указ Президиума Верховного Совета СССР не может считаться действующим, а названная медаль – входящей в государственную наградную систему Российской Федерации, в связи с чем Н.М.Деменьшина, являющаяся наследницей имущества, перешедшего к ней после смерти родителей (свидетельства о праве на наследство от 4 августа 2017 года), в статусе собственника данного имущества могла распорядиться им по своему усмотрению. Однако приведенные доводы отвергнуты апелляционным постановлением Железнодорожного районного суда города Екатеринбурга от 27 апреля 2018 года, оставившим приговор без изменения. В свою очередь, прокурор Свердловской области обратился в президиум Свердловского областного суда с кассационным представлением, полагая, что действия осужденной лишь формально содержат признаки преступления, но в силу малозначительности не представляют общественной опасности. Отменяя апелляционное постановление и направляя дело на новое апелляционное рассмотрение, суд кассационной инстанции в постановлении от 19 декабря 2018 года отметил, что нижестоящие суды не изучили вопрос о возможности освобождения Н.М.Деменьшиной от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа.

Железнодорожный районный суд города Екатеринбурга – с учетом позиции государственного обвинителя, настаивавшего на наличии в содеянном составе преступления, предусмотренного статьей 324 УК Российской Федерации, и заявившего ходатайство об освобождении Н.М.Деменьшиной от уголовной ответственности на основании статьи 76² данного Кодекса, – апелляционным постановлением от 4 марта 2019 года отменил приговор и прекратил уголовное дело, назначив ей в качестве меры уголовно-правового характера судебный штраф в размере десяти тысяч рублей и признав его уплаченным. 10 июня 2019 года судья Свердловского областного суда отказал заместителю прокурора Свердловской области в

передаче представления по делу для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, о чем содержатся сведения в кассационном представлении на апелляционное постановление от 4 марта 2019 года, которое принесено заместителем Генерального прокурора Российской Федерации в Верховный Суд Российской Федерации и в котором также указано на нарушение процедуры прекращения уголовного дела по нереабилитирующему основанию, выразившееся в отсутствии, вопреки требованию статьи 27 УПК Российской Федерации, согласия Н.М.Деменьшиной на такое прекращение. Постановлением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 17 сентября 2019 года это обращение передано вместе с делом для рассмотрения в судебном заседании президиума Свердловского областного суда, который постановлением от 16 октября 2019 года направил дело на новое апелляционное рассмотрение.

Апелляционным постановлением от 2 декабря 2019 года Железнодорожный районный суд города Екатеринбурга изменил приговор, приняв решение об освобождении Н.М.Деменьшиной от назначенного наказания в силу статьи 78 УК Российской Федерации – за истечением срока давности уголовного преследования. При этом суд отклонил доводы государственного обвинителя о признании деяния малозначительным и, соответственно, не согласился с его позицией о необходимости применения части второй статьи 14 данного Кодекса. Не усмотрел суд оснований и для прекращения дела в связи с отсутствием в действиях осужденной состава преступления, предусмотренного статьей 324 УК Российской Федерации, как о том просила сторона защиты.

1.2. По мнению Н.М.Деменьшиной, статья 324 УК Российской Федерации противоречит статьям 2, 15 (часть 1), 18, 19 (часть 1), 35 (части 2 и 4), 49 (часть 3) и 55 (части 2 и 3) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой не отвечает требованию правовой определенности и позволяет привлекать к уголовной ответственности за действия, не причинившие вреда порядку управления в сфере награждения государственными наградами и не повлекшие нарушения прав человека, а также расценивать действия в

отношении государственных наград СССР как нарушающие правовой режим государственных наград Российской Федерации, что означает применение уголовного закона по аналогии.

Таким образом, с учетом предписаний статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» статья 324 УК Российской Федерации является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку на ее основании разрешается вопрос о возложении уголовной ответственности за незаконный сбыт государственных наград СССР на лиц, у которых они хранятся (которым они переданы) после смерти награжденного.

2. Согласно Конституции Российской Федерации многонациональный народ Российской Федерации чтит память предков, передавших ему любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, осознает свою ответственность перед потомками (преамбула), достоинство личности охраняется государством, ничто не может быть основанием для его умаления (статья 21, часть 1), каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия (статья 44, часть 3). В ведении Российской Федерации находятся регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина, государственные награды и почетные звания Российской Федерации (статья 71, пункты «в» и «с»); награждение государственными наградами и присвоение почетных званий Российской Федерации относятся к компетенции Президента Российской Федерации (статья 89, пункт «б»).

Из приведенных положений Конституции Российской Федерации вытекает необходимость обеспечения государством, исходя из ответственности перед нынешним и будущим поколениями многонационального народа Российской Федерации, защиты чести и достоинства награжденных лиц как при их жизни, так и после смерти, сохранения и передачи доброй памяти о заслугах предков, уважительного отношения к ним и их наградам как особой форме официального признания государством заслуг гражданина перед Отечеством, преследующей цель дать

высокую публичную оценку его общественно полезным действиям или деятельности, признания общественной значимости государственных наград в качестве одного из важнейших моральных и правовых стимулов к позитивной гражданской активности.

Соответственно, учитывая общественную значимость заслуг перед Отечеством, признаваемых актом публичного награждения, а также высокую ценность государственных наград как для награжденных, так и для их потомков, в нормативно-правовом регулировании государственной наградной системы Российской Федерации могут быть предусмотрены меры, направленные на государственную защиту статуса награжденных лиц, сохранение исторического и культурного наследия, охрану чести, достоинства и доброй памяти предков, удостоенных государственных наград, обеспечение прав и законных интересов их потомков в сохранении ими данных наград как семейных реликвий, в передаче из поколения в поколение памяти об умерших и их заслугах. При этом федеральный законодатель вправе в соответствии с критериями, которые предопределяются требованиями статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, ограничить действия с государственными наградами, установить порядок их обращения и юридическую ответственность за несоблюдение гражданами установленных запретов, в том числе и уголовную, за деяния, посягающие на честь и достоинство награжденных лиц, умаляющие их заслуги перед Отечеством, ценность государственных наград как высшей формы государственного поощрения.

Вместе с тем, реализуя свои полномочия в этой сфере и самостоятельно устанавливая содержание уголовного закона, федеральный законодатель связан требованием его определенности, которое подразумевает ясное и четкое закрепление признаков преступления, без чего не может быть достигнуто единообразное понимание и применение соответствующих норм, а значит, и соблюдение общих принципов правового регулирования и правоприменения, в том числе равенства всех перед законом. Определенность обеспечивается в правовом регулировании как содержанием конкретных

нормативных положений, включая Уголовный кодекс Российской Федерации, так и наличием между различными правовыми предписаниями системных и иерархических связей, путем выявления которых и должна оцениваться ее степень (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 28 марта 2000 года № 5-П, от 27 мая 2003 года № 9-П, от 23 января 2007 года № 1-П, от 22 апреля 2013 года № 8-П, от 23 сентября 2014 года № 24-П, от 17 февраля 2015 года № 2-П и др.).

3. В силу статьи 8 УК Российской Федерации основанием уголовной ответственности служит наличие в совершенном деянии всех признаков состава преступления, предусмотренного данным Кодексом.

Указание в его статье 324 на незаконный характер приобретения или сбыта государственных наград означает, что юридической предпосылкой применения данного законоположения является несоблюдение действующих в этой сфере правил. Следовательно, оценка степени определенности содержащихся в данной статье понятий должна осуществляться исходя не только из самого текста уголовного закона, но и из их места в системе регулятивных предписаний, а равно имея в виду смежные составы правонарушений. Конституционность же бланкетной конструкции как таковой не ставится под сомнение и в случаях, если нормы, несоблюдение которых влечет уголовную ответственность, установлены подзаконными актами.

3.1. С учетом статей 71 (пункт «с») и 89 (пункт «б») Конституции Российской Федерации, а также по сложившейся исторической традиции нормативно-правовое регулирование государственной наградной системы Российской Федерации осуществляется в основной части Президентом Российской Федерации. При этом, как отметил Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 18 сентября 2014 года № 1819-О, специфика юридической природы государственной награды как меры поощрения за особые заслуги предполагает признание за субъектами, осуществляющими регулирование в этой сфере, достаточно широкой свободы усмотрения в вопросах построения наградной системы на конкретном историческом этапе.

Согласно Положению о государственных наградах Российской Федерации, утвержденному Указом Президента Российской Федерации от 7 сентября 2010 года № 1099 «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации» и действующему в настоящее время (далее – Положение о государственных наградах), государственные награды Российской Федерации являются высшей формой поощрения граждан Российской Федерации за заслуги в области государственного строительства, экономики, науки, культуры, искусства и просвещения, в укреплении законности, охране здоровья и жизни, защите прав и свобод граждан, воспитании, развитии спорта, за значительный вклад в дело защиты Отечества и обеспечение безопасности государства, за активную благотворительную деятельность и иные заслуги перед государством (пункт 1). Наряду с этим признаются заслуги и граждан Российской Федерации, удостоенных государственных наград СССР: они были взяты под защиту и покровительство российских государственных органов, за ними сохранены права и обязанности, предусмотренные советским наградным законодательством, на них распространены правила действующего законодательства (Указ Президента Российской Федерации от 20 февраля 1992 года № 162 «О гражданах Российской Федерации, награжденных государственными наградами Союза ССР», пункт 20 Положения о государственных наградах Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 2 марта 1994 года № 442 «О государственных наградах Российской Федерации», и пункт 14 Положения о государственных наградах).

Ввиду общности правового режима государственных наград Российской Федерации и государственных наград СССР в наградном праве закреплен общий запрет их незаконных приобретения или сбыта, подделки, незаконного ношения, учреждения или изготовления знаков, имеющих схожее название или внешнее сходство, под угрозой применения ответственности, установленной законодательством Российской Федерации (пункт 12 Положения о государственных наградах). Кроме того, дополнительно

подтверждено, что государственные награды и другие знаки отличия, связанные с событиями Великой Отечественной войны, не могут быть объектами отчуждения, за исключением случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации (статья 3 Федерального закона от 19 мая 1995 года № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов»). Этому корреспондируют нормы статьи 324 УК Российской Федерации об ответственности за незаконные приобретение или сбыт государственных наград Российской Федерации, РСФСР, СССР и статьи 327 данного Кодекса об ответственности за изготовление в целях использования или сбыт поддельных государственных наград Российской Федерации, РСФСР, СССР, а также статьи 17.11 КоАП Российской Федерации об административной ответственности за ношение ордена, медали, нагрудного знака к почетному званию, знака отличия Российской Федерации, РСФСР, СССР, орденских лент или лент медалей на планках лицом, не имеющим на то права.

Таким образом, хотя государственные награды СССР не входят в состав современной государственной наградной системы, правовые режимы государственных наград Российской Федерации и государственных наград СССР аналогичны, поскольку на последние распространяются правила, предусмотренные законодательством Российской Федерации и Положением о государственных наградах. Тем самым обеспечивается единство правового регулирования в этой сфере, отражающее статус России как правопреемника (правопродолжателя) Союза ССР, граждане которого были удостоены соответствующих наград.

3.2. Статья 324 УК Российской Федерации включает в число объектов уголовно-правовой охраны порядок управления в наградной сфере, защищая его от посягательств, совершаемых посредством незаконных приобретения либо сбыта государственных наград. Для определения противоправности таких действий следует учитывать правовую природу государственных наград в их конституционно-правовом и отраслевом значении, различая, с одной стороны, собственно государственную награду как юридический акт

наградного права, отражающий факт официального поощрения конкретного гражданина, которое представляет собой нематериальное благо, и, с другой стороны, знак этой награды (например, орден, медаль), выступающий ее материальным воплощением и подтверждающий (наряду с удостоверением к ней) правовой статус награжденного.

Публично-правовой институт государственного поощрения предполагает, что правовой статус награжденного, по общему правилу, носит постоянный – непередаваемый и неотчуждаемый – характер (за исключением случаев лишения государственной награды вступившим в законную силу приговором при осуждении за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления либо случаев отмены или изменения указа Президента Российской Федерации о награждении из-за недостоверности сведений, содержащихся в документах, внесенных для представления к награждению). В таком контексте публично-правовая природа государственной награды как нематериального блага – вне зависимости от принадлежности ее материального знака лицам, отмеченным государством, или лицам, которым он передан в надлежащем порядке, – остается неизменной, исключая саму возможность признания данного блага объектом права собственности, которым обладатель вправе распорядиться по своему усмотрению. В то же время и материальные знаки государственных наград, в том числе в силу их производной природы, приобретают как для близких родственников награжденного, к которым они переходят после его смерти, так и для широкого круга субъектов и общества в целом прежде всего не материальную, но духовно-нравственную, мемориальную ценность и в этом смысле также представляют особую значимость, позволяющую не считать их обычными объектами гражданских прав.

Государственная награда как нематериальное благо не может оцениваться в денежном выражении, а потому и свободное отчуждение (включая куплю-продажу) ее знака искажало бы ее истинную ценность, вело бы к умалению чести и достоинства удостоенных наград лиц, вопреки положениям преамбулы, статей 21 (часть 1) и 44 (часть 3) Конституции

Российской Федерации. Имея своим предназначением защиту публичных интересов, введение юридических ограничений оборота такого специфического вида материальных предметов, как знаки государственных наград, само по себе отвечает конституционно допустимым целям ограничения прав и свобод человека и гражданина, не выходит за рамки полномочий федерального законодателя и не расходится со смыслом статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

Так, статья 1185 ГК Российской Федерации различает передачу государственных наград, на которые распространяется законодательство о государственных наградах Российской Федерации, после смерти награжденного другим лицам в порядке, установленном законодательством о государственных наградах (пункт 1), и наследование принадлежавших наследодателю государственных наград, на которые такое законодательство не распространяется (пункт 2). В свою очередь, Положение о государственных наградах не предусматривает иной формы оборота государственных наград умерших награжденных лиц и лиц, награжденных посмертно, кроме передачи (вручения) данных наград и документов к ним для хранения супруге (супругу), отцу, матери, сыну, дочери, брату, сестре, дедушке, бабушке или одному из внуков награжденного (а при отсутствии таких лиц – возврата в Администрацию Президента Российской Федерации) либо передачи их на постоянное хранение и для экспонирования, осуществляемой, как правило, на основании договора дарения, в государственные или муниципальные музеи (пункты 47, 49 и 50), правовой статус которых, а также особенности оборота музейных предметов и музейных коллекций определены Федеральным законом от 26 мая 1996 года № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации».

Принимая во внимание бланкетный характер статьи 324 УК Российской Федерации, ее невозможно рассматривать в отрыве от пункта 1 статьи 1185 ГК Российской Федерации и других законодательных норм, устанавливающих ограничения оборотоспособности наградных знаков, в системной связи с пунктом 14 Положения о государственных наградах, согласно которому на

граждан Российской Федерации, удостоенных государственных наград СССР, распространяются правила, предусмотренные законодательством Российской Федерации и данным Положением. Системное толкование названной уголовно-правовой нормы дает основания для заключения о том, что незаконный сбыт государственной награды СССР, полученной после смерти награжденного его близким родственником для хранения (а не в собственность), причиняет (способен причинить) вред порядку управления в наградной сфере. Такой вывод не расходится с требованиями статьи 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации, запрещающей возлагать ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением, а также статьи 3 УК Российской Федерации, не допускающей применение уголовного закона по аналогии.

При этом выбранная законодателем конструкция формального состава преступления, отражая в известной мере особенности общественной опасности предусмотренного статьей 324 УК Российской Федерации деяния (которое заключается уже в самом факте незаконных приобретения или сбыта государственных наград, умаляющем честь, достоинство и память о заслугах удостоенных ими лиц), не означает, что совершение данного деяния не влечет причинения вреда или реальной угрозы его причинения. Устанавливая преступность и наказуемость тех или иных общественно опасных деяний, федеральный законодатель может по-разному, в зависимости от существа охраняемых общественных отношений, конструировать составы преступлений, учитывая степень их распространенности, значимость тех ценностей, на которые они посягают, и характер причиняемого ими вреда – имущественного, организационного или иного – охраняемому объекту (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2005 года № 7-П, от 10 февраля 2017 года № 2-П и др.).

4. Предусматриваемые за несоблюдение установленных запретов и ограничений меры публично-правовой ответственности должны быть согласованы с конституционными принципами правового государства в его взаимоотношениях с субъектами ответственности, включая принципы вины и

справедливости. Недопустимо избыточное государственное принуждение, не адекватное тому вреду, который причинен в результате правонарушения, и нарушающее баланс основных прав индивида и общего интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от противоправных посягательств (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27 мая 2008 года № 8-П, от 13 июля 2010 года № 15-П, от 17 июня 2014 года № 18-П, от 16 июля 2015 года № 22-П и др.).

В частности, при возложении уголовной ответственности на лиц, у которых государственная награда правомерно хранится после смерти награжденного, не исключены ситуации, когда решающее значение придается формальному соответствию совершенного деяния его описанию в уголовном законе. Между тем Уголовный кодекс Российской Федерации, определяя в части первой статьи 14 преступление как виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное им под угрозой наказания, в части второй той же статьи содержит оговорку о том, что не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного данным Кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности.

В решениях Конституционного Суда Российской Федерации, сохраняющих свою силу, высказана правовая позиция, согласно которой конституционное требование необходимости, соразмерности и справедливости ограничений прав и свобод человека и гражданина обращено, как это вытекает из статей 18, 19 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, не только к законодателю, но и к правоприменителям, в том числе судам (Постановление от 14 февраля 2013 года № 4-П, определения от 2 апреля 2009 года № 484-О-П, от 5 марта 2013 года № 323-О и др.), а значит, как вводимые законодателем меры уголовной ответственности, так и их реализация в правоприменительной деятельности не предполагают ее возложения за деяния, лишь формально подпадающие под признаки статьи Особенной части УК Российской Федерации, но не представляющие того минимума опасности, которая является необходимым

свойством преступления, либо представляющие опасность в столь малой степени, что восстановление нарушенных общественных отношений, социальной справедливости может быть обеспечено и при освобождении от уголовной ответственности или от наказания.

Сказанное не означает отказ от учета формальных признаков деяния, запрещенного в Особенной части УК Российской Федерации, которые непреложны для суда, обязанного руководствоваться ими при квалификации любого инкриминируемого лицу преступления. Тем не менее выявление формальных признаков состава преступления в совершенном деянии не всегда предопределяет признание его преступным, поскольку содеянное в силу поведения самого виновного может и не достигать того уровня опасности, который легитимирует уголовное преследование. Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, в правовой системе России преступлению, в отличие от иных правонарушений, присуща особая, а именно криминальная общественная опасность, при отсутствии которой даже деяние, формально подпадающее под признаки уголовно наказуемого, в силу малозначительности не может считаться таковым (Определение от 26 октября 2017 года № 2257-О).

Данный вывод соотносится с неоднократно выраженной Конституционным Судом Российской Федерации правовой позицией, в силу которой в случаях, когда суды при рассмотрении дела не исследуют по существу фактические обстоятельства, ограничиваясь только проверкой формальных условий применения нормы, право на судебную защиту, закрепленное статьей 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации, оказывается существенно ущемленным (постановления от 6 июня 1995 года № 7-П, от 13 июня 1996 года № 14-П, от 28 октября 1999 года № 14-П, от 14 июля 2003 года № 12-П, от 12 июля 2007 года № 10-П, от 27 октября 2015 года № 28-П, от 8 декабря 2017 года № 39-П и др.). Приведенная правовая позиция имеет общий характер, а потому реализация положений статьи 324 УК Российской Федерации предполагает их применение с учетом норм Общей части данного Кодекса, на основе объективной и всесторонней оценки судом

установленных по делу обстоятельств содеянного, личности правонарушителя, степени его вины в совершении инкриминируемого деяния и иных имеющих значение для правильного разрешения конкретного дела фактов, в том числе уменьшающих общественную опасность преступления до такого уровня, который позволяет освободить лицо – принимая во внимание, в частности, его поведение, наличие смягчающих и отсутствие отягчающих обстоятельств – от уголовной ответственности или от наказания либо признать это деяние малозначительным.

Этим не исключается внесение федеральным законодателем, в пределах доступного ему усмотрения, изменений в правовое регулирование, направленных на дальнейшую дифференциацию публично-правовой ответственности за правонарушения в наградной сфере, с учетом того что уголовное законодательство, как подчеркивал Конституционный Суд Российской Федерации, является по своей природе крайним (исключительным) средством, с помощью которого государство реагирует на противоправное поведение, если охрана соответствующих общественных отношений не может быть обеспечена должным образом с помощью правовых норм иной отраслевой принадлежности, а уголовная ответственность может считаться законно установленной лишь при условии, что она соразмерна характеру и степени общественной опасности криминализируемого деяния (постановления от 27 мая 2008 года № 8-П, от 13 июля 2010 года № 15-П, от 17 июня 2014 года № 18-П, от 16 июля 2015 года № 22-П и др.).

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать статью 324 УК Российской Федерации не противоречащей Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования содержащееся в ней положение предполагает:

возможность возложения уголовной ответственности за незаконный сбыт государственных наград СССР на лиц, у которых они хранятся (которым они переданы) после смерти награжденного, в силу общности правового режима государственных наград Российской Федерации и государственных наград СССР, установленного федеральными законами и нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации, которыми на государственные награды СССР распространено законодательство о государственных наградах Российской Федерации, ограничивающее их свободный оборот;

необходимость в правоприменительной практике устанавливать как формальную уголовную противоправность предусмотренного этой статьей деяния, так и реальную степень его общественной опасности, определяемую с учетом исследования всей совокупности фактических обстоятельств конкретного дела, в том числе свидетельствующих о наличии либо отсутствии оснований для освобождения лица от уголовной ответственности или от наказания либо для признания совершенного деяния малозначительным.

2. Конституционно-правовой смысл статьи 324 УК Российской Федерации, выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное ее истолкование в правоприменительной практике.

3. Правоприменительные решения по делу гражданки Деменьшиной Натальи Михайловны подлежат пересмотру в установленном порядке, если они основаны на статье 324 УК Российской Федерации в истолковании, расходящемся с ее конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, и при условии, что для этого нет иных препятствий.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

№ 10-П

Конституционный Суд
Российской Федерации